

исправлению и доработке учебника по исторической географии для вузов и создать междисциплинарную группу исследователей по разработке курса исторической экологии для вузов.

Важность и необходимость реализации указанных решений вполне очевидны. Однако стоит, на наш взгляд, позаботиться и о том, чтобы этнографы и этноэкологи значительно активнее включились в эту работу. Особенно важно предусмотреть, чтобы дальнейшая разработка историко-экологической проблематики на деле не свелась лишь к усовершенствованию соответствующих разделов исторической географии, ныне в большинстве случаев представляющей собою экономическую или политическую историю. В исторической географии, к сожалению, почти полностью опущены традиционно-бытовая культура и, в значительной мере, этнокультурные особенности населения. Необходимо, чтобы эти недостатки не передались исторической экологии, для чего потребуются наладить самое тесное сотрудничество историков и географов с этнографами и в первую очередь с этноэкологами.

Что касается собственно этнической экологии, то здесь особую важность приобретают накопление материалов конкретных исследований и дальнейшее уточнение понятийного аппарата, прежде всего с целью определения методов изучения и критериев оценки этнокультурной адаптации. Как свидетельствуют материалы конференции, данную проблему наиболее рационально разрабатывать на примере групп переселенцев и нескольких поколений их потомков, живущих в существенно отличных от исходных и оставшихся обычными для основной массы членов этого этноса условиях окружающей среды. Именно в таких случаях процессы этнокультурной адаптации выступают наиболее явно в виде исторической эволюции многих элементов хозяйства, материальной и даже духовной культуры.

Оргкомитет и участники конференции сочли целесообразным вновь собраться через несколько лет. Можно надеяться, что следующая историко-экологическая конференция станет еще более представительной и приобретет наконец официальный ранг «Всесоюзной».

В целом же первая историко-экологическая конференция в Нальчике оказалась весьма интересной и плодотворной. Готовятся к публикации основные материалы.

В. И. Козлов, А. Н. Ямсков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ В БАССЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА»

23—28 января 1987 г. в Хельсинки состоялся международный симпозиум на тему «Культура и история в бассейне Тихого океана», организованный Академией Финляндии в связи с открытием советской выставки «Сокровища культуры народов Океании», названной финской стороной «Путешествие по Океании». Выставка была проведена в рамках сотрудничества между АН СССР и Академией Финляндии. В ее основу были положены коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (Ленинград).

Симпозиум был посвящен обсуждению достижений в этнографическом изучении истории и культуры коренных народов Океании, переосмыслению некоторых исторических материалов и бытующих представлений в свете новых исследований. С советской стороны в нем приняли участие 14 ученых: восемь из них лично участвовали в работе симпозиума (Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Итс, А. И. Азаров, Н. М. Гиренко, А. И. Кузнецов, Е. С. Соболева, Д. Д. Тумаркин, В. А. Шнирельман), а шесть послали доклады (Н. А. Бутинов, М. В. Станюкович, И. К. Федорова, М. А. Членов) или были соавторами докладов, прочитанных участниками симпозиума (П. И. Пучков, Т. К. Шафрановская). Всего советскими учеными было представлено 11 докладов. В работе симпозиума участвовали также 15 ученых из Австралии, Англии, Дании, Италии, Новой Зеландии, США и Финляндии, представившие 14 докладов.

Симпозиум открылся 23 января. С приветственными речами к собравшимся обратились президент Академии Финляндии проф. Э. Аллардт и президент Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации акад. Н. А. Шилов.

Доклады, представленные советскими специалистами, касались нескольких основных направлений исследований: теоретико-методологических изысканий, итогов полевых работ в Океании, собирания и изучения океанийских этнографических коллекций, изучения фольклора и письменности о-ва Пасхи и др. В теоретических докладах советских ученых затрагивались важнейшие проблемы прошлого и настоящего народов Океании и поднимались вопросы методологии историко-этнографических исследований. В докладе Ю. В. Бромлея и П. И. Пучкова (Москва) «Типология этнических процессов у народов Австралии и Океании» были раскрыты главные положения теории этноса, активно разрабатывающейся в советской науке, причем основной акцент был сделан на типологизации этнических процессов применительно к этнической ситуации, наблюдающейся в современной Океании. Авторам доклада удалось показать, что разделительные и объединительные процессы происходят в разных районах Океании по-разному, и это требует внесения корректив в имеющуюся типологию с целью ее дальнейшей детализации.

А. И. Кузнецов (Москва) в докладе «К проблеме происхождения австронезийских языков» говорил о соответствии фонетических особенностей языков некоторым антропологическим чертам их носителей. Исходя из фоностатистики данных, автор предположил, что первичные языки монголоидов и негроавстралоидов (тропическая раса) фонетически должны были различаться. Отметим, что монголоиды начали расселяться по Юго-Восточной Азии только в неолите, автор высказал соображение о том, что праавстронезийский язык возник в немонголоидной среде. Этот доклад вызвал оживленную полемику, в ходе которой, в частности, была предложена иная модель происхождения и раннего расселения протоавстронезийцев, основанная на новейших археологических лингвистических данных. Вместе с тем было высказано мнение о том, что целесообразно сравнительное антропологическое изучение некоторых особенностей голосового аппарата (например, гортани и пр.) у разных человеческих рас, которые до сих пор оставались без внимания.

В докладе В. А. Шнирельмана (Москва) «Становление классовых обществ и дифференциация культуры у народов Океании» была продемонстрирована перспективность культурологического подхода к изучению процессов классовообразования в Океании, позволяющего проследить тенденции в изменении этнической культуры по мере нарастания социальной дифференциации. Было показано, что на первых порах социальная дифференциация могла проявляться лишь в некоторых сферах культуры, прежде всего в поведении и ритуале. Но с развитием социального неравенства социокультурные различия постепенно возникали в самых различных сферах культуры. В самом докладе и в состоявшейся после него дискуссии были подняты некоторые общие вопросы социальной эволюции и методики изучения эволюционных процессов.

Одним из конкретных выражений социокультурной дифференциации в процессе классовообразования в Океании являлись тайные мужские союзы, место которых в социальной структуре было рассмотрено А. И. Азаровым (Ленинград) в докладе «Община и тайные мужские общества в Меланезии». Докладчик пришел к выводу о том, что объективные результаты деятельности таких союзов были неоднозначными: с одной стороны, они способствовали социальному расслоению внутри общины, но с другой — служили сдерживающим началом для центробежных сил, характерных для гетерогенной общины.

Доклад Д. Д. Тумаркина (Москва) «100 лет после Миклухо-Маклая: социальные и культурные изменения в деревне Бонгу» был основан на полевых исследованиях, проведенных советскими этнографами на Берегу Маклая (Папуа — Новая Гвинея) в 1970-х годах. В докладе были прослежены изменения в различных сторонах жизни бонгуанцев, которые произошли за столетие после пребывания в этой деревне Н. Н. Миклухо-Маклая, оставившего подробное описание местной культуры. Показав устойчивость многих черт традиционной культуры, автор высказал мнение, что колониально-капиталистические порядки и элементы «западной» культуры здесь как бы наложены на традиционный жизненный уклад; они модифицировали его, но не уничтожили. Участники симпозиума выразили надежду, что советские ученые смогут продолжить полевые исследования на Берегу Маклая.

В докладе Р. Ф. Итса и Т. К. Шафрановской (Ленинград) «Н. Н. Миклухо-Маклай и океанийские коллекции в Музее антропологии и этнографии» была показана огромная научная значимость уникальных коллекций Музея антропологии и этнографии, насчитывающих около 8000 предметов культуры и быта народов Океа-

нии, собранных различными путешественниками и учеными, начиная с Дж. Кука. Особое внимание было обращено на недавно обнаруженные этнографические рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая.

Е. С. Соболева (Ленинград) посвятила свой доклад «Кульτ умерших на Новой Гвинее» назначению деревянных антропоморфных статуэток (*корвар*), когда-то изготовлявшихся папуасами северо-западных районов Ириан Джая. Она показала, что эти фигурки имели большое ритуальное значение, будучи связаны с представлениями о жизни и смерти, с мифологией и пр. С введением христианства на Новой Гвинее эти статуэтки стали уничтожать как «языческие», и сейчас они сохранились только в некоторых музеях, в частности в МАЭ.

Сообщения об океанийских коллекциях, хранящихся в МАЭ, привлекли всеобщее внимание участников симпозиума, выразивших большое желание детальнее с ними ознакомиться.

На симпозиум были также представлены следующие доклады: Н. А. Бутинов «Дешифровка письменности острова Пасхи», И. К. Федорова «Фольклор острова Пасхи как этноисторический источник», М. В. Станюкович «Мегалитическая культура Северного Лусона (к проблеме культурного родства Океании с Филиппинами)» и М. А. Членов «Уоллесеа: перспективны антропологического изучения контактной зоны».

В докладах зарубежных специалистов, представленных на симпозиуме, затрагивались в основном следующие проблемы: особенности исторических и этнографических источников и их критика, специфика обмена в Меланезии и его влияние на процессы социальной дифференциации, символика, религия и культура, а также методы исследования традиционной музыкальной культуры. Доклады первого из отмеченных направлений показывают, что в последние годы среди зарубежных исследователей наметился определенный сдвиг от функционализма к историзму, и этнографическая действительность рассматривается как результат длительного, весьма динамичного развития. Однако изучение последнего невозможно без детальной критики имеющихся источников, что требует обращения к опыту историковедческого анализа, накопленного исторической наукой. В докладе «История и представления о полинезийских обществах» Э. Хупер и Дж. Хантсмен (Окленд) проследили тенденцию изменения подхода западных исследователей к изучению истории Полинезии. Вначале многие историки занялись колониальной и постколониальной историей этого региона в целом, в основном деятельностью европейцев, а собственно полинезийцев оставляли на втором плане. Другой подход проявили этноисторики, рассматривавшие особенности развития местных обществ в колониальных условиях. В последние годы обнаружены исторические манускрипты, написанные самими полинезийцами, показывающие исторический процесс как бы изнутри глазами последних. Обратив внимание на необходимость тщательного изучения таких источников, авторы правильно отметили, что полинезийцы являлись активными творцами своей истории, а не пассивными наблюдателями.

Та же тема прозвучала в докладе М. Стрэзерн (Манчестер) «Исторические события и интерпретация народных представлений: комментарий из Меланезии». В нем докладчица попыталась объяснить реакцию исконных обитателей Меланезии на появление европейцев, исходя из представлений и практики самих меланезийцев. Для последних европейцы являлись чужаками, но сложность общения с ними заключалась главным образом не в этом, а в том, что они были как бы вырваны из своего культурного контекста, и именно поэтому меланезийцы долго не могли выработать определенных правил общения с ними. Одновременно М. Стрэзерн показала, что для меланезийцев не существовало того разрыва между материальной, социальной и духовной культурой, который им приписывается в работах некоторых западных этнографов. Она призвала к использованию опыта советских ученых, в работах которых, во-первых, уделяется надлежащее внимание материальной культуре, а во-вторых, культура рассматривается в историческом контексте.

В докладе В. Валери (Чикаго) «Воссозданная история: генеалогии и нарративные источники в Гавайском королевстве» были сопоставлены генеалогии правителей и исторические предания как автономные виды источников по истории населения Гавайских островов. Автор показал, что хотя оба типа исторической традиции служили здесь интересам знати и нередко содержались в тайне от простых общинников, они отражали исторический процесс весьма по-разному, и это следует иметь в виду, используя их для исторических реконструкций.

Доклад А. М. Котилайнен (Хельсинки) «Изготовление тапы и история океанийской культуры» был посвящен достаточно традиционной теме — ареальному изучению материальной культуры для решения некоторых проблем этногенеза. Детально описав особенности производства и использования тапы в Восточной Индонезии, докладчица показала, что по многим параметрам роль тапы в традиционных культурах Юго-Восточной Азии и Полинезии очень близка, и это свидетельствует о единстве происхождения культуры австронезийцев и древних контактах между ними.

В последние годы проводится интенсивное изучение специфики традиционных систем обмена в Океании, прежде всего в Меланезии, и этой теме были посвящены несколько сообщений. В докладе Р. Кисинга (Канберра) «Новые уроки, полученные от старых раковин: изменение перспектив в изучении кула» были подведены некоторые итоги исследований в Меланезии, заставляющих существенно пересмотреть оценку так называемого обмена *кула*, данную ему в свое время Б. Малиновским. Во-первых, в разных районах обмен *кула* происходил неодинаково и имел разное значение, причем вопреки Малиновскому не только символическое. Во-вторых, помимо раковинных украшений этот обмен включал и ряд других категорий вещей, которые составляли некоторую иерархическую систему ценностей. При этом отдельные вещи при определенных условиях могли изыматься из системы обмена *кула* и служить для иных культурных потребностей, в том числе в обменных системах иного типа. В-третьих, благодаря новым этнографическим и археологическим данным меланезийские системы обмена начали сейчас рассматриваться во временной перспективе и обмен *кула* оказался далеко не такой застывшей архаической формой, как это представлялось Малиновскому. В связи с этим Р. Кисинг особенно подчеркнул необходимость исторического подхода к изучению этнографических данных.

Особенности меланезийской системы обмена были рассмотрены более детально Дж. Липом (Копенгаген) в докладе «Дарообмен и создание тождественности». Проводя полевые наблюдения на о-ве Россел, Дж. Лип пришел к выводу о том, что имеющиеся представления о полной эквивалентности даров сильно упрощают реальную картину. Одна из особенностей меланезийского обмена заключается в его личностном характере: принадлежащая человеку вещь до известной степени с ним отождествляется, и обмен такими вещами в идеале ведет и к отождествлению партнеров. В то же время различные вещи представляют собой иерархический ряд, и наиболее ценные из них имеют свою историю, свои личные имена и к ним иногда относятся как к живым существам. Поэтому обмен, включающий разные категории вещей, на практике не является полностью эквивалентным, и надо обладать большим мастерством, чтобы вести его успешно. Если в теории долги полагается безусловно платить и полученный дар требует эквивалентного возврата, то на практике это происходит далеко не всегда, чем в особенности пользуются бигмены, злоупотребляющие своим положением и организующие стратегию обмена в ущерб интересам простых общинников. Дж. Лип подробно остановился на характеристике особой категории вещей (*китум*), которые могли свободно изыматься из системы *кула* или включаться в нее извне, что свидетельствует о ее открытом характере. Таким образом, меланезийская система обмена представляла собой достаточно сложную и противоречивую картину.

Тема обмена, в особенности в связи с социальной эволюцией, была поднята и Э. Вейнер (Нью-Йорк) в докладе «Артефакты бессмертия: эволюционная перспектива». Докладчица показала, что в меланезийских и полинезийских обществах встречались ценности высшего порядка, которые символизировали преемственность внутри клана или правящей группировки вождей. Такие вещи, как правило, передавались по наследству, а если и включались в обмен, то при условии их возврата со временем. Такой обмен был призван устанавливать либо тесные связи, либо иерархические отношения между сторонами. Сравнительный анализ показывает, что с течением времени отношения родства должны были отступать на второй план перед зарождавшимися политическими отношениями, что и проявлялось в эволюции обмена.

В своем докладе «Свиньи, дети и цветы. Обмен на островах Кука» А.-Л. Сикала (Хельсинки) показала огромное значение обмена в социальной жизни населения этой группы островов. Там основной социальной единицей является большесемейная община (*копу тангата*). Между индивидами обмен вещами происходит в виде дарообмена, но по отношению к пище внутри *копу тангата* существуют только отношения дележа: при наличии излишков пищи они распределяются путем устройства пирашества. Пирши организуются часто по самым разным поводам. Очень часто происходит и адопция детей, в которой автор видит одну из форм обмена, а наибо-

лее тесные связи у ребенка возникают именно с тем, кто его растит, или «кормит». Главным видом обменных и ритуальных ценностей являются свиньи. Они же играют большую роль в мифологическом объяснении взаимоотношений между родителями и детьми: по мифу, чтобы накормить голодного сына умирающий отец превратился в свинью. Доклад А.-Л. Сиикала вызвал оживленное обсуждение, в ходе которого было высказано соображение о необходимости дифференцировать разные виды обмена, выработав соответствующую терминологию.

Доклад Д. Лоуренса (Таунсвилл) «Материальная культура морского обмена в юго-западном Папуа и Торресовом проливе», основанный на большом полевом материале, был посвящен выделению особых ареалов обмена в зависимости от характера обмениваемых вещей. Докладчик выделил три ареала обмена: 1) между побережьем Новой Гвинеи и северными островами Торрессова пролива; 2) между австралийским полуостровом Кейп-Йорк и южными островами этого пролива; 3) между самими островами.

В нескольких докладах затрагивались проблемы символики, связанной с материальной культурой. В докладе Э. Кепплер (Вашингтон) «Изображения на тапе и символические связи в искусстве острова Пасхи» была подчеркнута символическая связь тапы с лицами высокого статуса в Полинезии. Только из тапы изготовливались накидки для священных деревянных фигурок. Такие фигурки и антропоморфные существа на тапе часто изображались в танцевальных позах. Докладчица предположила, что эти изображения фиксировали людей и духов во время молений, действительность которых определялась не только словом, но и движением. По его мнению, аналогичным образом следует понимать и изображения на дощечках *кохау ронго-ронго* с о-ва Пасхи. В дискуссии по докладу Э. Кепплер было отмечено, что, по мнению советских специалистов, значки на таких дощечках представляют одну из ранних форм письменности.

Оригинальным по сюжету явился доклад Дж. Скодитти (Урбино) «Золотое сечение в Меланезии», посвященный изучению некоторых эстетических норм в искусстве местных мастеров. Проведя беседы с известными резчиками по дереву в районе Милн-Бей (Папуа — Новая Гвинея), докладчик собрал интересные материалы о способах украшения лодок и пришел к выводу о том, что здесь имелось достаточно творческое развивающееся искусство, к которому применимы такие понятия, как «школа», «традиция», «вкус» и т. д. Придерживаясь традиционной манеры и определенного канона, резчики смело вводили инновации, проявляя свою индивидуальность. В докладе содержались интересные сведения об особенностях обучения будущих мастеров.

В докладе Ю. Сиикала (Хельсинки) «Вожди, пол и иерархия в Нганпатору» содержался некоторый пересмотр представлений об общественной роли женщины в традиционных полинезийских обществах, которая, по мнению докладчика, недооценивается. А ведь и ныне на островах Кука много высших титулов принадлежит женщинам. Рассмотрев особенности происхождения власти вождей и их место в системе родственных связей, автор детально остановился на характере и методах борьбы за власть между представителями высшей знати. Так как при этом основной опорой в борьбе были свойственники, особую важность приобретала брачная политика: путем браков устанавливались иерархические отношения между различными группами населения.

В докладе «Тапу/табу» Т. Монберг (Копенгаген) рассмотрел концепцию «табу» у обитателей о-ва Беллона. По словам автора, табу — это священное качество божества, которое при определенных условиях может переходить и на человека, причем в разном объеме. Табу не связано с личными достижениями, которые представляют заслугу самого человека. Поэтому само по себе наличие табу делает вождя-жреца умнее или сильнее других людей. Концепция табу в Полинезии была связана также с такими явлениями, которые находились вне контроля самих людей (природные явления, рождение, смерть и т. д.).

Доклад Х. Ривз (Таунсвилл) «Музыкальная культура современного музыкального представления на Манихики, острова Кука» сопровождался демонстрацией музыкальных записей. В нем была сделана попытка дать комплексный многосторонний анализ музыкальной культуры. При этом докладчице пришлось столкнуться с весьма сложными теоретическими и методическими проблемами (методов исследования, классификации полученных данных, отчленения традиционного от нового и пр.). Как ни велики эти сложности, которые особенно выявились в дискуссии по докладу, Х. Ривз

удалось показать, что традиционное музыкальное произведение — это единство музыки, смыслового значения, танца и социального контекста, причем все это следует изучать в едином комплексе.

На последнем заседании симпозиума между его участниками развернулась широкая дискуссия, выявившая ряд ключевых проблем, заслуживающих дальнейшего изучения. Это — особенности формирования неравенства и классовобразования в Океании, роль обмена в такого рода процессах, вариативность исторического развития в разных районах Океании и, в частности, причины социально-культурных отличий меланезийских обществ от полинезийских. Подчеркивалась необходимость уделять больше внимания изучению материальной культуры, рассматриваемой в широком социальном контексте. Было высказано соображение о необходимости провести специальный симпозиум, посвященный этногенезу и этнической истории австронезийцев.

Хотелось бы, чтобы диалог между советскими и зарубежными специалистами по проблемам этнографии Океании, столь успешно проведенный в Хельсинки, получил достойное продолжение в будущем.

В. А. Шнирельман

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В сентябре 1986 года в соответствии с планом научных работ Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства мной была проведена повторная экспедиция в традиционные гончарные центры Барского района Винницкой области Украинской ССР¹.

Наиболее подробно был обследован известный в прошлом гончарный центр Восточной Подолии село Лисовое (сельсовет Лисовое).

К числу задач экспедиции относились выявление, сбор и фиксация памятников традиционного народного искусства, сохранившихся в обиходе жителей, а также выяснение современного состояния гончарного промысла. Основное внимание было, естественно, уделено сбору материалов местного гончарства, характеризующих состояние промысла с 30-х по 70-е годы текущего столетия. Обнаруженные предметы свидетельствуют о стойком сохранении местной гончарной традиции. Среди них — большой кухонный кувшин для приготовления пищи (*горнець*), малый кувшин (*горщик*) того же назначения, фрагменты, дающие представление о форме среднего кувшина (*горнець*), уплощенный с двух сторон кувшин для воды (*банька*). Его плотно закрывали деревянной крышкой, подвязывали за горловину веревкой и забрасывали за плечо. Двусторонняя уплощенность кувшина способствовала удобству доставки в нем воды работающим в поле крестьянам. Все вышеперечисленные изделия черного цвета, без

глазури и декора. Найден также терракотовый кувшин для молока конической формы с ручкой красно-оранжевого цвета, расписанный посередине опоясывающими прямыми и волнистой линиями, а ниже — рядом коротких наискось прорисованных линий, выполненных коричневым ангобом. Местное название этого кувшина *рынка*.

Подобные изделия производились в прошлом в некоторых гончарных центрах Подолии и широко использовались местным населением. То же следует сказать и о приобретенных в ходе экспедиции полумиске и миске, расписанных подглазурной *рождкованной* и *фляндрованной* росписью. Формы изделий, главным образом, шарообразные, приземистые, в средней части выпуклые. Встречаются и конические формы, но в большинстве случаев с плавным переходом деталей друг в друга. Среди растительных и геометрических элементов орнамента преобладают геометрические, выполненные преимущественно рожкованием, реже фляндрованием. Роспись кувшинов и горшков относится преимущественно к горизонтальному типу орнаментально-декоративного построения. Богатую разновидность ее находим в концентрических типах композиций на мисках и полумисках.

На цветную и черно-белую пленку отсняты характерные произведения местного народного зодчества, писанки, керамические изделия. Среди последних особый интерес представляют принадлежащие местной жительнице Е. А. Корсун керамические изделия различного бытового назначения (изготовлены в 30 и 50-е годы местными гончарами Н. Гонтарем и

¹ Информацию о первой экспедиции см. Сов. этнография. 1974. № 5. С. 167.